

«СЕЙЧАС ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ СЛИЛИСЬ В ОДНО»

Иван Глазунов

Эти слова мой отец Илья Сергеевич Глазунов записал в дневнике в возрасте 21 года, когда был студентом Института им. И.Е. Репина в Ленинграде. Сейчас моей старшей дочери, его внучке Ольге, названной в честь прабабушки, погибшей в блокаду, столько же, и она заканчивает созданную отцом в Москве Российскую академию живописи, ваяния и зодчества, готовит живописный диплом в его мастерской. Понимая, какое влияние отец оказал на всех нас, мне захотелось в год 90-летия со дня рождения и предстоящей выставки в Манеже, которая впервые пройдет без него, поделиться с читателями журнала «Русское искусство» тем дорогим, что хранит память.

Вспоминаю 1978 год. Мне – 9 лет. Отец готовит новую выставку, которая станет очередным прорывом, громким событием. В знаменитой мастерской в башне дома Моссельпрома в Калашном переулке пишется новая картина – художественное переосмысление и обобщение русской истории последних десятилетий – «Мистерия XX века». Жизнь кипит: мастерская, заставленная иконами и стеллажами с работами разных лет, как всегда, полна людей – гостей, друзей-единомышленников, учеников. Помню разговоры, обрывки фраз. Вот некий Володя из Ярославля привез снова несколько старинных киотов с золоченым резным «виноградом». Илья Сергеевич спрашивает его: «Володенька, а у тебя бывает хоть иногда XV, XVI век?», он с кривой улыбкой отвечает: «Ну, кто платит, тому привожу, а вам, вот, киоты...» За длинным столом постоянно работают реставраторы, спасая от разрушения произведения иконописи. И, как стеной, все пространство мастерской перегороджено поперек огромным черным холстом. На нем – только начатая «Мистерия».

Писал отец картину довольно быстро, его единственным помощником была мама, Нина Александровна, урожденная Виноградова-Бенуа (правнучка архитектора Леонтия Бенуа). Я видел эскиз – еще только первоначальную идею этой грандиозной работы, но тогда, будучи маленьким ребенком, конечно, ничего в нем не понял. Осталось такое впечатление: картина близится к концу, весь пол в мастерской заляпан масляной краской, каждый день приходит кто-то из друзей нашей семьи взглянуть, что получается. Вот мама рассказывает Сергею Владимировичу Михалкову замысел отца: уверенность и твердость борются с волнением, она понимает, что написанное станет чрезвычайно острым конфликтом с советской действительностью. Концепция такова: художник открывает красный занавес, за которым в мистическом и трагическом полумраке встают ключевые фигуры истории XX века, те личности, что, по мнению

На с. ??:

В мастерской художника. И.С. Глазунов с женой Н.А. Виноградовой-Бенуа и детьми Иваном и Верой. 1970-е годы. Фотография. Семейный архив И.И. Глазунова

отца, отражали страшные, запутанные события последнего столетия. Сейчас, глядя на картину, мы многое воспринимаем как само собой разумеющееся. Тогда же изображения, например, царевича Алексея на руках у Государя, или Сталина в кровавом гробу, или Солженицына с лагерным номером на шее, или мерцающего в темной пустоте Христа – Спасителя Мира были сами по себе уже нереальной смелостью и для многих откровением. Под конец у отца появилась идея вставить в картину зеркало, которое держит в руках он сам и в котором должны будут отразиться все зрители, став частью происходящего. Помню первую реакцию на «Мистирию»: кто-то молча разглядывал картину, кто-то с удовлетворением потирал руки и протягивал: «Да-а-а...» Сергей Владимирович Михалков, отразившись в зеркале, произнес: «Г-Глазунов, тебя посадят!..»

В этой же части картины изображен упавший и перевернутый вниз головами императорский орел. Тогда еще не были широко известны кадры хроники, где красноармейцы прикладами сбивают орла с вывески в Санкт-Петербурге, откуда он, золоченый и торжественный, падает, разбиваясь о брусчатку мостовой. У меня, девятилетнего ребенка, родилась мысль, которую, как особо сокровенное чаяние, я сообщил на ухо маме: «Хорошо, что двуглавый орел упал рядом с папой. Он его возьмет и поднимет». Через час какое-то шумное общество обсуждало картину на нашей крохотной кухне, и мама, позвав меня, попросила повторить сказанное прилюдно. Я помню, что был очень недоволен подобным обстоятельством, и решил, что ни за что не стану повторять этой мысли, такой интимной, предназначенной только маме. Родители просили, но я справиться с собой не сумел.

Картина долго стояла в мастерской, отец вставил ее в авторскую раму, оформление которой продолжало содержание полотна. Вся обклеенная вырезками из газет разных стран, она отражала влияние и натиск массовой информации. Помню, что мне была прочитана целая лекция о том, как рама должна дополнять картину. Отец известен как мастер не только изложить на холсте свою мысль, но и правильно, точно ее оформить и подать зрителю.

Нередко он отправлялся в поездки, каждая из которых становилась важной страницей жизни и творчества. Многие описал в своей Книге воспоминаний, например, командировку в Никарагуа. В то время я был уже подростком, учился в Московской средней художественной школе и довольно скептически смотрел на жизнь. Но меня по-настоящему потрясло невероятное количество графических и живописных работ, сделанных отцом на ходу в джунглях, на туманных вершинах и в окопах (тогда в Никарагуа шла гражданская война), их живость и острота. Неиссякаемая отцовская энергия стала для меня наглядным уроком и ответом на задаваемый позднее вопрос: «Чему он Вас научил?» Помню с той поры, как из Шереметьева к дому подъехал икарус, забитый фанерными коробками с работами и военными трофеями: масками с чернокожими Христом и Мадоннами, чучелом огромного крокодила и двумя никарагуанскими зелеными попугаями, по дороге насквозь проклевавшими свою картонную тюрьму. И меня очень тронуло, что вместе с портретами никарагуанских повстанцев, потомков плантаторов и звезд латинского фольклора, среди рисунков окопов и людей с автоматами Калашникова, отец привез двух птиц, чтобы порадовать и удивить нас с сестрой.

Вообще, в этой мастерской, в знаменитой башне Моссельпрома, на моих глазах, а со временем и при моем участии создавалось множество произведений, которые стали основополагающими в творчестве Ильи Глазунова, вошли в монографии разных лет издания. Помню рождение «Царевича Димитрия» и «Куликовского цикла», «Бориса Годунова» и иллюстраций к Достоевскому. Особенно ярким оказался 1983 год, когда я был призван в помощники к художникам, создававшим под руководством отца макет декораций к опере Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии». Опера действительно стала каким-то чудом в то время, да и сейчас бы она блистала как один из шедевров Большого театра. Меня тогда подключили помогать художникам-сценографам изготавливать уменьшенные кулисы, задники, деревья дремучих нижегородских лесов и башни Великого Китежа. Магнитофон *Grundik* постоянно воспроизводил музыку из спектакля 1952 года, сталинские купюры менялись на оригинальный текст либретто, великое пророческое произведение оживало в мастерской, приобретая новый размах и формы сценографии, заповеданные художниками «Мира искусства». Мама работала над костюмами. Успех был колоссальный. Опера превратилась в действие большее, чем опера. Премьеру почтил патриарх Пимен, в праздничном облачении, зеленой скуфье с алмазным крестом. Его присутствие задавало событию особый тон. Равнодушным не остался никто, и аплодисменты длились полчаса. Картины Китежа, костюмы монголов, юная Казарновская, маститый Пьявко были неподражаемы. Великий Евгений Светланов сказал, что художники-постановщики создали лучшие декорации и костюмы из всех опер, которыми он дирижировал. Премьера «Града Китежа» совпала с моим взрослением и сделалась любимым вос-

И.С. Глазунов. Вулкан. Масая. Из Никарагуанского цикла. 1983. Фанера, масло, рельефная паста. 70x200. Московская государственная картинная галерея народного художника СССР Ильи Глазунова

И.С. Глазунов. Преображенный Китеж. Эскиз декорации к опере «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии». 1983. Картон, темпера. 60x80. Музей Большого театра. Москва

поминанием: здесь, в Большом, благодаря родителям и нашей совместной интересной работе я начал слышать музыку, оперу и научился понимать ее.

После того как не стало моей матери, знаменитую мастерскую в башне отец сменил на другую – на Новинском бульваре. Он построил себе дом, который назвал позже Русское посольство в Москве». Здесь продолжал принимать многочисленных гостей, беседовать со студентами, трудиться над книгой; здесь со всегдашней удивительной творческой энергией и страстью написал множество живописных произведений, которые, как и прежде, создавал под музыку, часто – его любимых итальянских арий и «Всенощной» Рахманинова. Только теперь все было покрыто болью пережитой трагедии, скорбью по моей маме, его Нине, жене и музе, которая незримо присутствовала в мастерской. Она смотрела с фотографий, расставленных на рабочем столе. Там же находилась фотография погибшей в блокаду матери отца, моей бабушки, а позднее появилась фотография с маленькими внуками. Для него, потерявшего в войну всех близких, было очень остро и болезненно то, что касалось семьи,

историю которой он по крупицам собирал всю жизнь. Сейчас я занимаюсь семейным архивом и берегу сохраненные отцом для себя, для детей и внуков обрывки телеграмм, страницы писем. Он посылал их матери в блокадный Ленинград из глухой новгородской деревни, куда был вывезен 11-летним подростком по Дороге жизни, писал их жене в роддом, когда я и моя сестра Вера появились на свет. Тут же – дневники отца, многочисленные фотографии.

Одно из первых грандиозных полотен, созданных в новой мастерской на Новинском, – «Разгром храма в Пасхальную ночь» – картина, которую отец задумал еще будучи студентом, и долго вынашивал замысел. Мне поручил написать интерьер храма. Тогда я уже занимался церковными росписями в Костроме и Ярославле, а потому не составило труда сделать повторение каких-то их фрагментов частью картины отца. Вызывает огромное уважение постоянная нацеленность на дело, непозволение себе бесцельного времяпрепровождения. Даже еду, будь это возможно, отец заменил бы на таблетки – проглотил и побежал дальше – работать. Хотя сам нередко устраивал шумные застолья для друзей.

В доме, где Илья Сергеевич Глазунов прожил последние 20 лет, сохранена мемориальная часть, нетронутой остается мастерская. В ней все так, как прежде, и даже банки с лаком, подрамники и кисти не сдвинуты со своих мест. В доме будут читаться лекции, проводиться музыкальные вечера и выставки. Здесь, по задумке отца, начнет работать наше обновленное «Русское посольство».

Должно сказать еще об одном доме, возможно, самом главном в жизни отца. Это дом Юшкова на Мясницкой, где до революции располагалось знаменитое Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Многие художники, представленные в Третьяковской галерее, здесь учились или преподавали. В 1987 году отец, проявив чудеса дипломатии, силу убеждения и напор, добивается освобождения этого уникального здания, построенного в XVIII веке по проекту Баженова, от трех десятков расположившихся в нем организаций, никоим образом не связанных с искусством. Отец задумывает открыть здесь высшее учебное заведение, которое станет воплощением его идеалов и чаяний о возрождении в столице системы обучения императорской Санкт-Петербургской Академии художеств и в которое смогут поступить абитуриенты со всей России исключительно по таланту.

Начинается масштабная реконструкция здания. Вспоминается такой эпизод. В ходе проведения восстановительных работ строители обнаружили какие-то странные ходы, ведущие в несохранившиеся подземелья, ведь в доме генерала Юшкова собирались тайные общества. Поздним вечером мы с отцом, узнав об этой находке, устремляемся в будущую академию – смотреть масонские коридоры. Ездил он страшно быстро, всевидящих московских камер еще не было, и в момент нажатия на газ от сильного и внезапного рывка моя спина резко прижималась к креслу. Помню, что мне нездоровилось, но, как всегда, услышал от отца знаменитое: «Ванечка, а не надо болеть». И вот мы мчимся на Мясницкую. На месте, светя зажигалкой, отец идет по шатким подмосткам, заменяющим уровень разобранного пола, осматривать загадочные ходы, но ничего особенного не обнаруживает – все оказалось замурованным, вероятно, еще в XIX веке, когда при императоре Николае I здание было передано Московскому учили-

И.С. Глазунов. Елка. Новогодняя ночь. 1989. Холст, масло. 85x140. Московская государственная картинная галерея народного художника СССР Ильи Глазунова

И.С. Глазунов. Наши Санкт-Петербург. Памяти жены. 1994. Холст, масло. 200x100. Московская государственная картинная галерея народного художника СССР Ильи Глазунова

щу живописи, ваяния и зодчества. Потом отец ведет меня в большую угловую ротонду – мощный, перекрытый куполом зал, построенный в лучших канонах русского классицизма. Ему так хотелось в этих очищенных до кирпича стенах и торчащей местами дранки скорее увидеть возрожденное величие будущей академии.

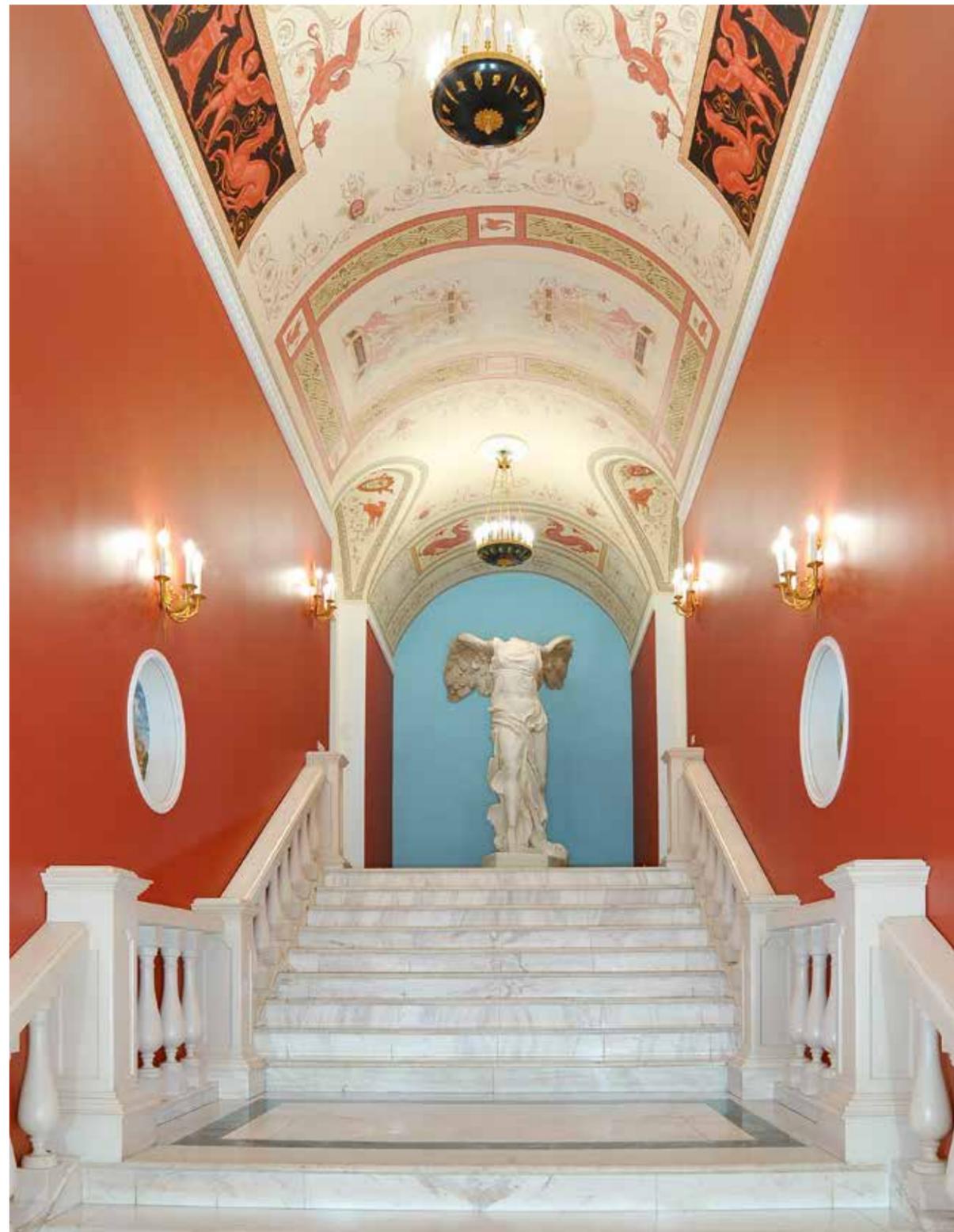
Отец обладал редким качеством – умел своей идеей заразить талантливых людей, увлечь их и сделать своими сподвижниками ради большого настоящего дела. Вспоминаю горящие глаза Виктора Михайловича Бехтиева, главного строителя, который вел сложную работу по реконструкции здания Академии, и в тот момент тоже был художником, вдохновенно читал стихи и вместе с отцом долго засиживался после рабочего дня над альбомами по искусству. Он знал всех учеников Глазунова по имени, радовался их успехам и был искренен в стремлении восстановить памятник архитектуры. Вместе с отцом они летали в Рим и ездили в Петербург, чтобы вдохновиться идеями для возрождения этого старого московского дома, по сути – дворца.

Когда мечта сбылась и «храм русского искусства» восстановили, то, показывая многочисленным гостям и друзьям стены коридоров, отец говорил: «Ткните пальцем в любую точку, из нее польется моя кровь». Эта гипербола действительно имеет под собой серьезное обоснование: ценой невероятных усилий здание удалось не только воссоздать, но и наполнить содержанием. Например, книгами из любимых отцом букинистических магазинов Петербурга, на закупки которых он не жалел собственных сил и денег. Помню, как мы вдвоем загружали их тоннами в купе «Красной стрелы», а потом выгружали на Ленинградском вокзале в Москве. Книжные шкафы и все убранство библиотеки Академии на Мясницкой созданы по мотивам библиотеки Санкт-Петербургской Академии художеств, его альма-матер, которую отец очень любил. Эту любовь прививал мне, и неоднократно, еще со времен учебы в художественной школе, отправлял в Ленинград, в зал слепков Академии, писать гризайль. Долгими часами я просиживал с Я.О. Шкандрием, ныне покойным, и с замиранием сердца обучался копиям с рисунков старых мастеров и слушал рассказ, как Ярослав Онуфриевич

целый год повторял в Эрмитаже Мадонну Литгу. В Петербурге говорили и говорят: «У нас стены учат».

Я чувствую, что наши стены в Москве начинают оказывать на студентов такое же священное воздействие. Огромную роль играет в этом преемственность поколений, за которую ратовал отец. В Российской академии живописи, ваяния и зодчества преподают те, кто учился у Ильи Сергеевича в Суриковском институте, в мастерской портрета. Теперь они профессора, заведующие кафедрами, сами воспитывают художественную смену, а многие выпускники нашей академии трудятся здесь педагогами. Отец всегда был для своих студентов образцом того, как должно одеваться. Его возмутило, когда молодые люди, приехавшие на практику, явились в Эрмитаж в майках вместо рубашек и пиджаков. Об этом он рассказывал с гневом (и своим всем знакомым прищуром), как о примере полного небрежения к себе и к моменту встречи с великим искусством, да еще и в его родном и любимом городе, «самом красивом в мире».

Когда-то меня, молодого студента, ни в чем не имеющего опыта, отец позвал начинать вместе с ним дело его жизни – создавать Академию, собирать музей. Я был и остаюсь его сыном, но и всегда был среди его учеников. Сейчас я ректор созданной отцом Российской академии живописи, ваяния и зодчества, носящей имя Ильи Глазунова. Все ее профессора, педагоги, администраторы, библиотекари, буфетчики и охранники давно стали большой семьей и могут назвать академию своим вторым домом, в который каждый вложил частицу души. И каждый помнит, как все начиналось, и как отец раздувал созидательный огонь своей неумной энергией, всем пылом своего, в чем-то трудного, а в чем-то легкого и ранимого характера настоящего артистичного и вдохновенного художника и гражданина. Его чувство было обостренным, он никогда не относился отстраненно и равнодушно ни к прошлому, ни к настоящему своей страны. Вернуть легендарный дом художникам Илья Сергеевич Глазунов считал своим профессиональным и гражданским долгом. Ему было важно, чтобы в этих прославленных стенах воспитывались новые мастера русского реализма.

Парадная лестница в Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова. Фотография. 2010

Ключевые слова: И.С. Глазунов, И.И. Глазунов, семейные воспоминания, дом Моссельпрома, дом-мастерская на Новинском, Академия живописи, ваяния и зодчества.